

Василий Молодяков

ТРИНАДЦАТЬ

ПОЭТОВ

Василий Молодяков

**Тринадцать поэтов.
Портреты и публикации**

«Водолей»

2018

УДК 83.3(2Рос=Рус)60-8
ББК 821.161.1(093.3)(092)

Молодяков В. Э.

Тринадцать поэтов. Портреты и публикации / В. Э. Молодяков —
«Водолей», 2018

ISBN 978-5-91763-412-8

Новую книгу известного историка и собирателя Василия Молодякова составили статьи о русских поэтах, возвращение которых к современному читателю во многом состоялось его усилиями. Во второй части публикуются связанные с их творчеством историко-литературные материалы, в основном из собрания автора.

УДК 83.3(2Рос=Рус)60-8
ББК 821.161.1(093.3)(092)

ISBN 978-5-91763-412-8

© Молодяков В. Э., 2018
© Водолей, 2018

Содержание

От автора	6
Портреты	7
Последний ученик Фета	7
«С царевококшайским лешим сходственно»	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Василий Молодяков

Тринадцать поэтов.

Портреты и публикации

*...Забыл меня здесь Аполлон,
И всеми позабыт я ныне.
Но верю: помнят про меня
Не знающие света дня
На берегах печальной Леты
Мои знакомые поэты
И ждут, молчание храня.*

Александр Кондратьев

Иллюстрации из собрания автора

Научный редактор *В. Резвый*

Художник *О. Сетринд*

При поддержке: АНТОНИМ

© В. Молодяков, 2018

© В. Молодяков, собрание материалов, 2018

© О. В. Андреева, фотография автора, 2018

© Издательство «Водолей», 2018

От автора

Эту книгу составили «портреты» одиннадцати русских поэтов (плюс публикация текстов еще одного) и одного американского – от Серебряного века до наших дней. С большинством их у автора сложились некие личные отношения, которые в нескольких случаях «материализовались» в виде подготовленных мной собраний стихотворений.

Название книги восходит к заглавию сборника «Тринадцать поэтов» (1917), в котором участвовал один из ее героев и элементы обложки которого использованы в дизайне переплета, а также объясняется давним пристрастием к этому числу автора, родившегося и выросшего в квартире с таким номером.

Поэты вернулись к читателю, но многие ли их прочитали?.. Часть портретов была написана в виде предисловий или послесловий к собраниям стихотворений, поэтому здесь я дополнил их поэтическими текстами, в большинстве случаев приводимыми полностью, с целью дать представление не только о жизни, но и о творчестве своих героев. Надеюсь, теперь у них появятся новые читатели.

Во вторую часть включены произведения некоторых героев книги и сопутствующие историко-литературные материалы (в основном из моего собрания), часть которых появляется в печати впервые.

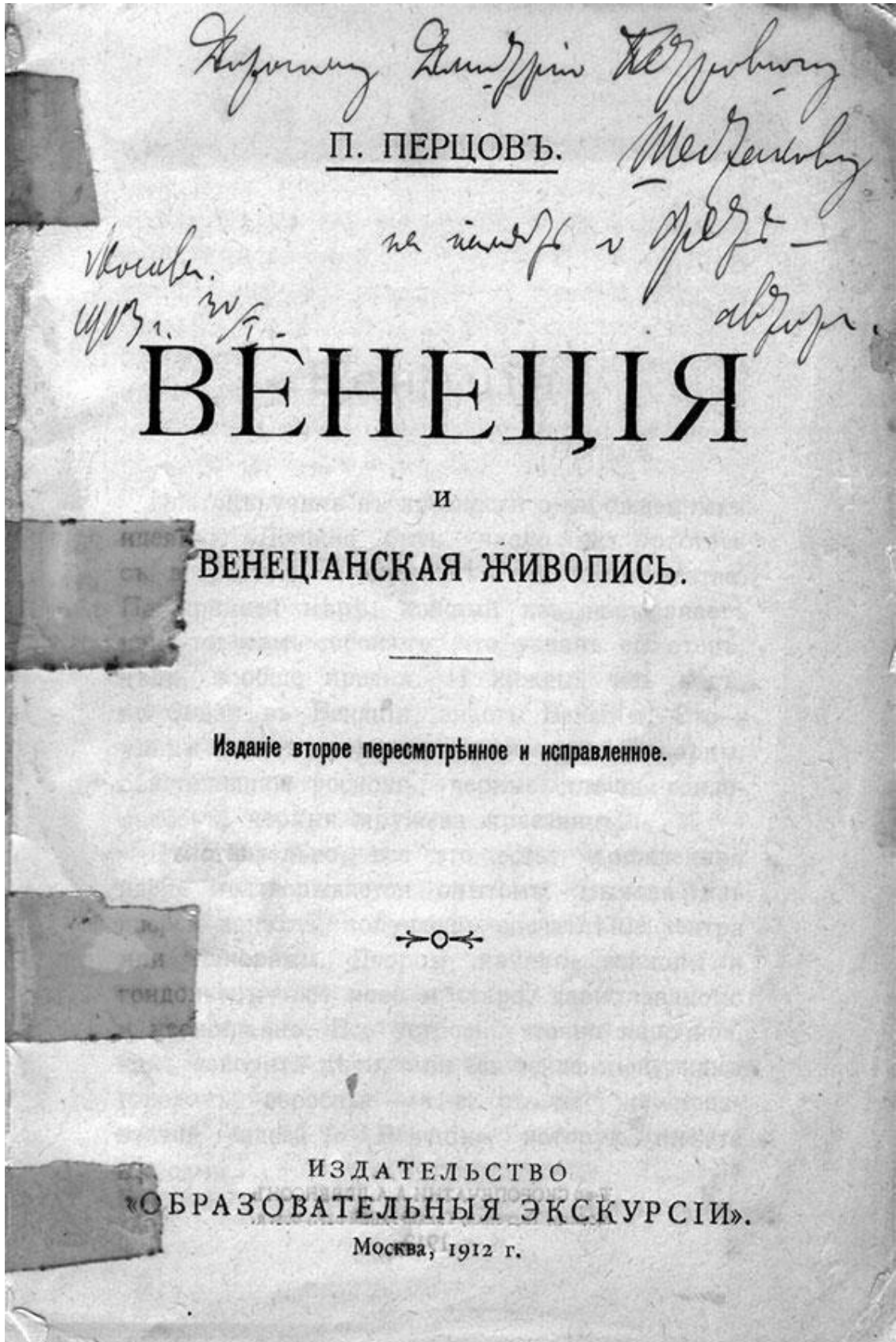
Приношу искреннюю благодарность Владиславу Резвому, принявшему на себя труд научного редактора книги и способствовавшего моей работе на всех ее этапах.

*Василий Молодяков
13 декабря 2017
Токио*

Портреты

Последний ученик Фета Дмитрий Шестаков

*Памяти Петра Дмитриевича Шестакова и Леонида
Константиновича Долгополова*

Петр Перцов. Инскрипт Дмитрию Шестакову на книге «Венеция и венецианская живопись» (1912). 30 января 1913

Научная и человеческая судьба Дмитрия Петровича Шестакова (1869–1937), филолога-классика, переводчика античной литературы и профессора Казанского университета, сложилась удачно, особенно на фоне жестоких реалий эпохи. Он прожил долгую, если не безмятежную, то спокойную жизнь, был счастлив в браке, занимался любимым делом, имел верных друзей и не пострадал ни от одного из «водворотов века». Письма и немногочисленные воспоминания современников рисуют облик доброго, отзывчивого, скромного и порядочного человека, жившего просто и гармонично, в мире со всем, в том числе и с властями, которым он не сочувствовал, но и не противился открыто. Выпадавшие на его долю испытания переносил стойко, без жалоб и декадентского надрыва. Много лет переписывавшийся с ним Василий Розанов охарактеризовал Шестакова словами «удивительно негрязная душа», добавив: «Ему ничего не недостает. Это удивительно. Он вполне счастлив. Знаний – гора, и он честно и благородно к ним относится»¹. Эти черты определили характер его поэзии – наиболее ценной и долговечной части литературного наследия Дмитрия Петровича.

Сегодня это имя памятно немногим любителям стихов и специалистам-филологам, знающим его как поэта «второго ряда» 1890-х годов, литературной эпохи, которую называют «предсимволизмом» и которая вызывает интерес главным образом как пролог к символизму. Однако итоговая оценка Шестакова-поэта должна основываться прежде всего на его стихах 1920–1930-х годов – лучших из написанного им.

Чтобы представить героя в контексте эпохи, приведу биографическую справку, написанную критиком Петром Петровичем Перцовым, ближайшим другом Дмитрия Петровича на протяжении полувека, с гимназических лет и до смерти. В 1939 г., на основе имевшихся в его распоряжении рукописей и материалов, Перцов составил «изборник» покойного друга, оставшийся неизданным: 141 стихотворение, образующее циклы «Владивостокские ямбы», «Миги», «Из старых тетрадей», «На склоне дня» и «На встречные темы». Неизвестно, действительно ли Перцов надеялся на выпуск книги, прилагал ли какие-то усилия в этом направлении или предпринял свой труд исключительно «для истории»; сын поэта Петр Дмитриевич Шестаков считал, что «у составителя не было конкретной мысли об издании сборника» (письмо Л. К. Долгополову от 2 декабря 1969 г.).

Дмитрий Петрович Шестаков родился в городе Казани 29 октября (10 ноября) 1869 г.; скончался там же 17 (4) июня 1937 г. Отец его П. Д. Шестаков был известным в свое время педагогом: специалист по классической филологии, он перевел несколько трагедий Еврипида. Специальность отца избрал для себя еще с гимназической скамьи и сын. Дмитрий Петрович кончил курс второй казанской гимназии в 1887 г. (с золотой медалью) и Казанского университета по историко-филологическому факультету в 1891 г. Позднее занимался в Русском археологическом институте в Константинополе в 1907–1909 гг. Весной 1909 г. выдержал в Одессе экзамен на магистра классической филологии, а затем защитил в Петербургском университете магистерскую диссертацию на тему «Исследования в области греческих народных сказаний о святых» и, за отсутствием свободной кафедры в Казанском университете, занял кафедру по своей специальности в Варшаве. Пробы там два года, он получил возможность перевестись в родную Казань, где и оставался почти всю остальную жизнь. В 1913 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Опыт изучения народной речи в комедиях Аристофана».

Отдельными изданиями вышли переводы Дмитрия Петровича с латинского и греческого: «Героини» Овидия (Казань, 1902; этот перевод вызвал очень сочувственный отзыв поэта Блока в ежемесячнике «Новый

¹ Материалы (оригиналы и копии), цитируемые без сносок, находятся в собрании автора книги.

путь», 1903); «Аякс», трагедия Софокла (Варшава, 1910) и три комедии Аристофана – «Лизистрата», «Бабыя сходка» и «Лягушки» (Казань, 1914). Другие переводы, кроме появления в журналах, были помещены в известной хрестоматии В. А. Алексеева «Греческие поэты в биографиях и образцах» и также встретили лестные отзывы в печати как лучшие в книге. Такой ценитель, как Фет, писал Дмитрию Петровичу по поводу этих работ: «Сердечно благодарю Вас за прекрасные переводы гомеровских гимнов... Ваши переводы сделаны рукою умеющего нащупать несравненную красоту античных форм» (письмо от 31 марта 1892 г.). Переводами с древнего Дмитрий Петрович продолжал заниматься и в поздние годы (Симонид, Марциал); после него остался незаконченный перевод «Георгик» Вергилия.

Отдельными изданиями вышли работы Дмитрия Петровича: «Русские писатели в немецкой оценке» (Казань, 1901), «Владимир Иванович Даль» (Казань, 1902), «Памяти Т. Г. Шевченко» (Казань, 1902), «Александр Антипович Потехин» (Казань, 1902) и другие.

После Октябрьской революции Дмитрий Петрович не оставил научной и преподавательской деятельности. Он продолжал очень много заниматься в университете и других учебных заведениях г. Казани по различным предметам (филология и история). В половине 20-х годов Дмитрий Петрович поехал к сыну во Владивосток, где ему настолько понравилось, что он пробыл там целых шесть лет (1925–1931). И эти годы дали последний, самый богатый расцвет его поэтического дарования. По возвращении в Казань писал он уже мало, но не оставлял преподавания и палеографической работы по древним рукописям до самой смерти. Последнее десятилетие состоял академическим пенсионером РСФСР. Скончался почти внезапно от приступа грудной жабы на 68 году жизни.

Стихи Дмитрий Петрович начал писать с ранних лет и к студенческим годам был уже сложившимся поэтом распространенного тогда «фетовского» стиля. Величайший почитатель Фета, Дмитрий Петрович переписывался с ним в течение ряда лет (конец 80-х и начало 90-х годов) и посылал ему свои стихи, вызывавшие в общем весьма высокую оценку со стороны великого лирика. Переписка их, к сожалению, утрачена (за исключением лишь трех-четырех писем Фета). Позднее Дмитрий Петрович отошел от своего раннего жанра, выработав свой более оригинальный. В 1900 г. мною был издан в Петербурге в количестве 300 экземпляров небольшой сборник стихов Дмитрия Петровича (41 оригинальное стихотворение и 35 переводных), подведших итоги молодой его деятельности. По своей всегдашней скромности Дмитрий Петрович сам не делал никаких попыток к напечатанию своих стихов, и они попадали в печать лишь случайно, что и оставляло его в неизвестности. Между тем впечатление авторитетных ценителей было в его пользу. К таким, кроме Фета, принадлежал также Владимир Соловьев. Получив от Дмитрия Петровича сборник 1900 г., он писал ему, что стихи «проглотил с отрадой», и дополнил даже эти слова написанием известного своего стихотворения «Les revenants», первая редакция которого прямо указывала на этот генезис.

Хотя временами (особенно в конце 90-х годов) Дмитрий Петрович появлялся довольно много в текущей журналистике, но писал исключительно на литературные темы. Вообще «камерный» склад его таланта сказывался на всей области его интересов. Талант этот, однако, вполне очевиден, и не будет слишком смелым предположить, что, однажды признанный, он уже не

исчезнет из русской литературы, так как, по слову Белинского, «каждый рано или поздно попадает на свою полочку».

Май 1939

Сказанное требует уточнений, что было сделано исследователем русского символизма Л. К. Долгополовым в биографической справке о Шестакове в томе «Поэты 1880–1890-х годов» Большой серии «Библиотеки поэта»² (далее сокращенно *Поэты 1880–1890*), однако, и она была дополнена сыном поэта. Именно Леонид Константинович, будучи одним из составителей тома, обратил внимание на сборник Шестакова 1900 г. и настоял на включении его стихотворений в книгу, что не было предусмотрено первоначальным планом.

Вот основные дополнения к сказанному³. Педагогическая деятельность, исследование античности и литературные увлечения были семейной традицией Шестаковых. Отец поэта Петр Дмитриевич (1826–1889) – имена «Петр» и «Дмитрий» в семье передавались через поколение – переводчик и педагог, в 1865–1883 гг. был попечителем Казанского учебного округа и не только дослужился до чина тайного советника, но и снискал всеобщее уважение (на его смерть откликнулись даже столичные газеты). Старший брат Сергей Петрович (1864–1940) преподавал на историко-филологическом факультете Казанского университета, стал известным историком-византистом и в 1916 г. был избран членом-корреспондентом Академии Наук; во втором издании «Большой советской энциклопедии» статья о нем есть, в третьем – уже нет.

Дмитрий Петрович окончил университет в 1891 г., но по неизвестным причинам от сдачи выпускных государственных экзаменов отказался: «из-за отвращения к формальностям», как вскользь сказано в одном из его писем, процитированных сыном без каких-либо пояснений. Судя по всему, в это время он всерьез задумывался о карьере профессионального литератора и начал активно печататься в газетах и журналах, не оставляя, впрочем, научную деятельность. Он продолжал публиковать статьи (с 1891 г.) и переводы (с 1890 г.) в «Ученых записках Казанского университета» (перечисленные Перцовым отдельные издания являются отпечатками из «Ученых записок»; все они в настоящее время очень редки), но только в 1903 г. принял решение вернуться в науку и – с опозданием на 12 лет – сдал государственные экзамены в родном университете. К этому времени Дмитрий Петрович окончательно определился как ученый и, похоже, разочаровался в литературной карьере. С дипломом первой степени он был оставлен в *alma-mater* «для подготовки к профессорскому званию» по кафедре классической филологии и получил стипендию на три года, по истечении срока которой отправился в Константинополь.

Далее в хронологии Перцов допускает некоторые неточности. Весной 1909 г. Шестаков выдержал магистерские экзамены в Новороссийском университете в Одессе: «Я помню, что наша семья по дороге из Константинополя останавливалась в Одессе на месяц-полтора», – сообщил сын поэта П. Д. Шестаков в примечаниях к составленному им собранию стихотворений отца. Затем Дмитрий Петрович был назначен в Варшавский университет «исправляющим должность» (так как еще не имел необходимой ученой степени) доцента греческой словесности и приступил к преподаванию с началом 1909/10 учебного года. 3 апреля 1911 г. он защитил в Петербургском университете магистерскую диссертацию, ранее опубликованную в Варшаве. В печати о ней с похвалой отозвался Розанов, присутствовавший на защите, – это была их единственная личная встреча, которой предшествовали двенадцать лет переписки. Получив степень магистра (утвержден в ней 6 мая), Шестаков смог перевестись в Казань, где с 4 сентября 1911 г. был «исправляющим должность» экстраординарного профессора по кафедре классической филологии историко-филологического факультета. Получив 15 ноября 1915 г. степень доктора греческой словесности, 11 мая 1916 г. он был назначен ординарным профес-

² Поэты 1880–1890-х годов. Л., 1972. С. 583–585.

³ Мною также использованы выписки Л. К. Долгополова из университетского личного дела Д. П. Шестакова.

сором той же кафедры, пока в 1922 г. не был переведен профессором в Восточный педагогический институт в том же городе. К 1916 г. Дмитрий Петрович имел чин статского советника и был награжден орденами св. Анны третьей степени и св. Станислава второй степени.

Уехав летом 1925 г. с женой во Владивосток, где его сын Петр работал юрисконсультантом в Дальневосточной краевой конторе Госбанка, Дмитрий Петрович был уволен в бессрочный отпуск без сохранения жалования. Во Владивостоке он работал ученым секретарем издательства и референтом по иностранной литературе библиотеки Дальневосточного государственного университета, а с 1926 г. получал академическую пенсию. «Могу засвидетельствовать, – писал П. Д. Шестаков, – что он даже с удовольствием занимался и в библиотеке университета, и в качестве ученого секретаря издаваемых университетом трудов. Вообще, должен сказать, к принятым на себя обязанностям отец относился всегда чрезвычайно добросовестно» (письмо Л. К. Долгополову от 23 марта 1970 г.)⁴. В 1927 г. в «Ученых записках» ДВГУ увидели свет его последние публикации, включая перевод поэмы польского поэта XVI века Яна Кохановского «Отъезд греческих послов» и исследование о ней. По возвращении в Казань в 1931 г. (после того как Шестаков-младший был переведен по службе в Москву) Дмитрий Петрович работал нештатным профессором греческого языка в педагогическом институте, вел занятия для аспирантов и написал несколько небольших статей о древнегреческой трагедии, оставшихся неопубликованными. Он продолжал трудиться до самой кончины, последовавшей 17 июня 1937 г. «от припадка грудной жабы при явлениях упадка сердечной деятельности», как сказано в свидетельстве о смерти.

29 июля 1896 г. Шестаков женился и, по сообщению сына, «после женитьбы на девушке из бедной крестьянской семьи (по представлениям того времени, явный «мезальянс». – В. М.) деревни Малые Казылы бывшего Лаишевского уезда Казанской губернии Александре Никитичне Жураковой (1875–1969) всю последующую жизнь носил обручальное кольцо. С кольцом на руке он и похоронен». Сын поэта рассказывал: «У моих родителей было пятеро детей (в порядке старшинства): Наталья, Петр, Анна, Николай, Наталья. Двое умерли: Наталья (самая старшая) – в младенческом возрасте, Николай – подростком гимназистом. Мама пережила папу почти на 32 года. Она скончалась на 94-м году жизни 2 января 1969 г. Мои сестры живут в Казани» (письмо Л. К. Долгополову от 2 декабря 1969 г.). Таким образом, вдова поэта умерла всего лишь за несколько месяцев до начала «возвращения» его творчества. «Жалею очень, – писал П. Д. Шестаков, – что мама не дожила немного до этого. Она была бы счастлива узнать о ценителе стихотворений ее покойного мужа» (письмо Л. К. Долгополову от 4 января 1970 г.). По воспоминаниям детей, Александра Никитична играла особую роль не только в жизни, но и в творчестве мужа: она «была первой, кому Д. П. обычно сообщал свои новые стихотворения» (П. Д. Шестаков); «часто по утрам папа читал маме еще не записанное, только что ночью сочиненное стихотворение» (А. Д. Шестакова).

Деятельность Шестакова как ученого-филолога и переводчика предстоит оценить специалистам-антиквистам⁵. «Светилом» в науке он не был, школы не создал, крупных открытий не сделал и не может быть поставлен наравне с Фаддеем Зелинским или Иннокентием Анненским, но коллеги и современники оценивали его работы, как правило, положительно. Переводческую деятельность Дмитрий Петрович рассматривал как часть научной, публиковал переводы из античных авторов в различных «ученых записках» и включал их в списки научных трудов, однако перепечатки в антологиях и хрестоматиях, вплоть до недавнего времени, говорят и о литературных достоинствах. В краткой рецензии Александра Блока на сделанный им перевод «Героинь» Овидия сказано: «В чеканных стихах чувствуется гибкость, сила и про-

⁴ Письма П. Д. Шестакова к Л. К. Долгополову и другие «шестаковские» материалы из архива последнего впервые публикуются во втором разделе настоящей книги.

⁵ Первый опыт – кандидатская диссертация Л. М. Шмелевой «Семья казанских ученых Шестаковых и развитие антиковедения и византиноведения в России» (Казань, 2005).

стота; слышно, что переводчик сам – поэт»⁶. Перевод «Георгик» Вергилия, упомянутый Перцовым, Шестаков в 1912 г. предлагал московскому издателю Михаилу Сабашникову для серии «Памятники мировой литературы», в которой были выпущены переводы Анненского и Зелинского, сообщив, что почти завершил его⁷. Однако этот труд, видимо, не был закончен (переговоры об издании продолжения не получили) и не сохранился. Выступал Шестаков и как переводчик европейской поэзии (Микеланджело, Я. Кохановский, И. В. Гёте, В. Скотт, Т. Готье, Ж. М. де Эредиа и др.). Переводов хватит на отдельный том, и я надеюсь, что он появится.

Отдельного исследования заслуживает деятельность Шестакова в качестве литературного и художественного критика, писавшего преимущественно о современных русских и европейских авторах. Лучшее из этого достойно не только внимания, но и переиздания. Составленная П. Д. Шестаковым библиография прозаических публикаций отца за 1891–1927 гг. насчитывает 280 позиций. В 1899–1900 гг. Шестаков регулярно печатался в литературном приложении к «Торгово-промышленной газете», в 1900–1904 гг. в журнале «Мир искусства» (24 статьи и рецензии), в 1906–1907 гг. в газете «Слово», откликаясь в частности на сочинения Соловьева, Розанова, Брюсова. Однако, несмотря на сотрудничество в «Мире искусства» и личные связи с некоторыми деятелями символистского круга, причем людьми одного с ним поколения, он так и не стал для них «своим». В этом специфика судьбы Шестакова-поэта.

Ровесник Зинаиды Гиппиус, в истории литературы Дмитрий Петрович остался в предшествующей эпохе, среди «предсимволистов», ставших связующим звеном между разношерстным поколением «восьмидесятников» (Минский-Надсон-Фофанов) и более монолитным поколением «декадентов» (Сологуб-Бальмонт-Брюсов). «Паспортный» возраст значил немного: по времени рождения и те, и другие принадлежали в основном к 1860-м годам, а их творчество так или иначе развивалось в русле «новых веяний» и «новых исканий». Однако родившиеся в первой половине 1860-х годов успели дебютировать в начале 1880-х годов, а наиболее талантливые и удачливые составили себя «имя» в литературе на протяжении этого десятилетия и к моменту дебюта «старших символистов» в первой половине 1890-х годов уже были «мэтрами». Показательна судьба Фофанова: в начале 1900-х «декаденты» относились к нему с подчеркнутым уважением, видя в нем не только популярного и признанного поэта, но и одного из своих предшественников, а он отзывался о них насмешливо и даже грубо. Родившимся в конце 1860-х годов и не ставшим «декадентами» выпала незавидная участь – уже в молодом возрасте оказаться если не «за бортом», то, по крайней мере, в стороне от «столбовой дороги». Исключение составил только Бунин (на год младше Шестакова), дебютировавший как поэт, но «вовремя» перешедший на прозу. Остальные – взять в пример хоть Владимира Лебедева, «благословленного» Майковым, – если и добивались признания, то лишь на короткое время, за которым следовало забвение.

С литературными, в том числе символистскими, кругами Шестакова связывал Перцов, не только друг, но и активный участник «литературного процесса». 14 апреля 1926 г., получив машинописный сборник его избранных стихотворений, Дмитрий Петрович написал жене: «Меня очень тронула <...> верная дружба П. П. Перцова. У меня вообще не так много было в жизни друзей, потому что я схожусь с людьми как-то тяжело (может быть, это и лучше: не обесцениваю дружбы). Но, когда были, то верные». Учитывая роль Перцова в жизни и литературной судьбе Шестакова, следует сказать о нем подробнее⁸.

К середине 1890-х годов Петр Петрович уже был известен в литературных кругах – сначала родной Казани, потом Петербурга – в качестве журналиста и критика, «сменившего вехи»

⁶ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. М. -Л., 1962. С. 523.

⁷ НИОР РГБ. Ф. 261. Оп. 7. Ед. хр. 5.

⁸ Лавров А. В. Литератор Перцов // Перцов П. П. Литературные воспоминания, 1890–1902. М., 2002; далее это издание цит. без сносок.

от народничества к «новым течениям». Он переписывался с Фетом, бывал у Майкова и Полонского, дружил с Мережковским и в то же время не терял связей с народническими кругами. Именно широта взглядов и эклектичность литературных и эстетических воззрений позволяли Перцову выступать в качестве «собираателя» и даже «объединителя» разнородных литературных сил, пусть на короткое время. Результатом этой работы явилась составленная им антология «Молодая поэзия. Сборник избранных стихотворений молодых русских поэтов», увидевшая свет в 1895 г. В книгу вошли семь стихотворений Шестакова, но заметного внимания – ни доброжелательного, ни недоброжелательного – они не привлекли. Характерный пример – отзыв Брюсова в письме к Перцову от 12 марта 1895 г.: «Бывают люди и с прекрасным голосом, но без музыкального слуха – конечно, им не быть певцами. <... > Боюсь, нет ли той же болезни и у Шестакова, хотя он несомненно талантлив и меня очень интересует»⁹.

Хронологически поэтическое творчество Шестакова распадается на два периода – 1888–1914 гг. и 1925–1934 гг., разделенных одиннадцатью годами «молчания». Перцов сообщал, что Дмитрий Петрович писал стихи уже в гимназические годы, но самые ранние из сохранившихся датированы 1888 г., когда тот учился в университете. Набравшись смелости, юный автор 30 ноября послал шесть стихотворений в сопровождении почтительного письма Афанасию Фету, которого боготворил. В этих опытах немало банальных образов и даже погрешностей против формы и размера, но в целом их можно признать «выше ординара». Иначе пожилой, часто болевший и погруженный в собственные литературные труды Фет едва ли бы стал уделять им внимание, поправлять и рекомендовать в печать – не потому же, что там содержались посвящения ему...

Челнока моего никому не догнать...
Далеко берега отошли...
Полнозвучна волна, на душе благодать...
Где ты, бледная скука земли!..
И любуется далью лазурною взор,
Полной всплесков играющих волн,
И навстречу заре в беспредельный простор
Убегает ликующий челн!
То не челн, не волна, – это юность моя,
Это крылья у песни росли,
Это пела душа, жажду счастья тая...
Что мне бледная скука земли!

Маститый поэт не просто прочитал пробы пера безвестного казанского студента и сказал ему слова одобрения, но отнесся к присланным стихам серьезно и критично. Шестаков был счастлив и 12 декабря 1888 г. писал Фету: «Как, какими словами выразить мне ту глубочайшую благодарность, какую я обязан Вам за Ваш столь же скорый, сколько и обязательный ответ на мое письмо? Как передать радость, охватившую меня при чтении Вашего лестного отзыва о моих стихотворениях? То, что Вы изволили высказать о достоинствах содержания их, побудит меня к дальнейшему совершенствованию на поэтическом пути, дает мне новые силы, вдохнет новую смелость. <... > Я как драгоценность сохраню Ваше письмо не потому только, что оно содержит столь лестный отзыв одного из любимейших моих поэтов о моих стихотворениях, но еще более потому, что оно дает советы, необходимые для начинающего поэта».

Фет советовал «не торопиться» с публикацией (из отправленных учителю стихотворений Шестаков опубликовал лишь несколько, причем наиболее поздних), но уже в марте 1891 г.

⁹ Письма В. Я. Брюсова к П. П. Перцову 1894–1896 гг. М., 1927. С. 11.

«дал добро» на издание отдельного сборника. Однако в отличие от большинства современников, стремившихся выпустить книгу при первой возможности, Дмитрий Петрович предпочел повременить и ответил, что на издание сборника пока не решается, хотя ему очень дорого «одобрение знатока, в эстетический вкус которого он вполне верит и произведениями которого восхищается». Около 1896 г. Шестаков послал свои стихи Полонскому, который вместе с Фетом и Майковым составлял «лирический триумвират», но тот подверг их «сокрушительному разносу». «Получилась коллизия авторитетов, которая смущала умы и требовала разрешения, – вспоминал Перцов. – В качестве суперарбитра оставалось привлечь последнего из триады. Я и обратился к Майкову с письмом, в котором просил возможности подвергнуть его суду создания новой музыки. Ответ – и, конечно, любезный – не замедлил. <...> Поэт принял меня в кабинете и сам стал читать стихи молодого «экзаменуемого». Увы, его приговор был довольно строг и скорее приближался к отзыву Полонского, нежели Фета».

В 1898 г. Шестаков переписал 21 стихотворение в отдельную тетрадь и снабдил ее титульным листом, вероятно, задумавшись об издании книги. Его первый и единственный сборник, включавший 41 стихотворение и переводы, вышел в самом конце 1899 г. и открывался написанным в 1891 г. посвящением Фету («Твой ласковый зов долетел до меня...»): набранное курсивом, оно смотрелось как манифест.

Твой ласковый зов долетел до меня,
И снова душа пробуждается, —
Ей тихое счастье весеннего дня,
Ей вешняя ночь открывается.

Там нежные звезды плывут и дрожат,
Волна их качает пустынная...
Проснулась – и зноем наполнила сад
Бессмертная страсть соловьиная.

Так больно и властно вонзается в грудь,
Так робко и сладко ласкается, —
И к ярким созвучьям навеки прильнуть
Бессильно душа порывается.

Инициатива выпуска книги принадлежала Перцову, обозначенному на титульном листе в качестве издателя; он принимал участие в составлении и, возможно, правил тексты. Вкусу друга Шестаков доверял безусловно, сообщал ему стихи по мере написания и почти всегда соглашался с предложенными поправками. «И во владивостокский период отец продолжал по-старому посылать П. П. Перцову все свои новые стихотворения: на многих авторских подлинниках стихотворений этого периода имеются пометки: «П. П. П. заказным такого-то числа»» (письмо П. Д. Шестакова Л. К. Долгополову от 22 февраля 1972 г.).

Выпущенная тиражом 300 экземпляров, книга со временем стала редкостью. Когда Шестаков лишился последнего авторского экземпляра, Перцов в декабре 1931 г. послал ему свой (возможно, единственный) с надписью «Многоуважаемому автору на добрую память от неизменного поклонника П. П.» (цит. по письму П. Д. Шестакова Л. К. Долгополову от 4 января 1970 г.). К сожалению, местонахождение этой книги, хранившейся у сына поэта, неизвестно. Неизвестно и местонахождение экземпляра, подаренного С. П. Шестакову с надписью «Дорогому брату и собрату»: он находился у П. Д. Шестакова и был подарен им Л. К. Долгополову (у которого его видел пишущий эти строки), но пропал после кончины последнего в 1995 г.

На фоне поэтических новинок 1900 г. – «Иллюзий» Фофанова, «Тишины» Бальмонта и «Tertia vigilia» Брюсова – «Стихотворения» Шестакова потерялись, хотя о них с похвалой отозвался Владимир Соловьев в письме к автору: «Очень тронут Вашим напоминанием о Фете. Веяние его почудилось мне и в Ваших стихах, которые проглотил с отрадою». Шестаков посвятил Соловьеву два стихотворения: одно, видимо, послал вместе с книжкой, другое стало откликом на его безвременную кончину полгода спустя.

У могилы твоей, под печальным крестом
Не роняю я слез, не шепчу о былом,
И ревливой судьбы я, собрат, не виню
За недолгую, грустную юность твою.
На печальном кресте всё мне грезится тот,
Кто всю кровь и любовь за людей отдает,
Чьи святые объятья от века зовут
Каждый алчущий дух, каждый искренний труд,
Кто незримый и нежный поникнул челом
Над могилой твоей, над печальным холмом.

Единственная опубликованная рецензия на сборник принадлежала самому издателю, приличия ради укrywшемуся за «прозрачным» псевдонимом «П. Казанский»¹⁰.

В 1900-е годы, живя в Константинополе и Варшаве, Дмитрий Петрович продолжал печататься как поэт и критик в столицах и на родине – от либерального литературного приложения к газете «Слово» (при посредничестве Перцова) до консервативного и антиреволюционного (по мнению некоторых современников – «черносотенного») «Казанского телеграфа»¹¹. Выберу просто наугад.

Ты в бледный туман от меня потонула, ушла, —
Лишь тихие-тихие светятся детские очи,
Лишь теплые звезды плывут и дрожат без числа,
И звучно-загадочен купол торжественной ночи.
Я знаю, я вижу, твоей мне стези не догнать,
Той юности пышной померкнули свежие краски...
К чему же бороться душой без конца и рыдать?
К чему молчаливо молить недостигнутой ласки?
Ты, нежная, светлая, светлой прощальной рукой
Возьми, погаси этот факел слабеющий, скудный!
Пусть чуткие звезды плывут над пустынной землей,
И купол глубокий мерцает загадочно-чудный.

С течением лет поэтическая активность пошла на убыль, и он нередко отдавал в печать старые тексты. С 1914 г. Шестаков перестал писать стихи на целое десятилетие – то самое, на которое приходится едва ли не самые трагические события русской истории XX века. О его отношении к политическим реалиям мы почти ничего не знаем, а в поэзии они вообще не отразились.

¹⁰ Литературное приложение к «Торгово-промышленной газете». 1900, № 1. 21. 01.

¹¹ Благодарю А. В. Бурлешину за сведения и разъяснения о литературной жизни Казани 1900-х годов и за подготовку к печати поэтических текстов Шестакова из казанской периодики.

Переезд во Владивосток к сыну и восхищение красотой природы Приморья, где Дмитрий Петрович решил остаться надолго, вызвали новый творческий взлет. В конце 1931 г. Петра Дмитриевича перевели в Москву. Отец уехал из Владивостока 26 ноября и, прогостив месяц в столице у сына, вернулся в Казань. В Москве он встречался с Перцовым, который как раз заканчивал книгу мемуаров. Память о прошлом навяла несколько посвященных ему стихотворений, включая «Автору “Венеции”»:

Как живо мне напомнил ты
Мою «Венецию Востока»
У самой голубой черты
В лазурный край волны глубокой.
Хоть нет там пьядцы и гондол,
Но так свежо, но так просторно
Дрожат лучи, смеется дол,
И море ропщет непокорно.

Имеется в виду книга Петра Петровича «Венеция» (СПб., 1905), переизданная под заглавием «Венеция и венецианская живопись» (М., 1912). По выходе поэт получил оба издания с дарственными надписями: «Милому Дмитрию Петровичу Шестакову от старинного приятеля. Автор. 1906 30/1 Спб.» (собрание А. Л. Соболева); «Дорогому Дмитрию Петровичу Шестакову на память о друге-авторе. Москва. 1913 г. 30/1».

Вспоминая друга в мемуарах (где был воспроизведен и его портрет работы художника Кубли), Перцов сообщил, что «на вечерней заре последовал новый расцвет его дарования». Эти строки были опубликованы в 1933 г., при жизни поэта, но ни до того, ни после, вплоть до 1970 г., ни одно из поздних стихотворений Шестакова не появилось в печати.

Не сожалей, что жизнь минует,
Когда с тобой перед концом
Природа пышно торжествует
Таким немеркнувшим венцом,
Когда пленительнее сказки
В ней каждый луч и каждый звук —
И песня вод, и неба краски,
И гор воздушный полукруг.

По возвращении в Казань в конце 1931 г. Шестаков еще некоторое время, как бы по инерции, продолжал писать стихи, но количество их не превышает нескольких десятков (последнее из известных датировано 16 декабря 1934 г.). В инскрипте Шестакову на «Литературных воспоминаниях» Петр Петрович процитировал его строки: «И веет юною истомой через разлуку стольких лет», – а в ноябре того же 1933 г. получил от него рукописную тетрадь стихов 1925–1933 гг. «Inedita» («Неизданное»), с дарственной надписью: «“Там хорошо, где нас нет”. Первому и самому дорогому читателю Петру Петровичу Перцову от автора». Тексты из этой тетради, использованные Перцовым при составлении «изборника», впервые введены в научный оборот в собрании стихотворений Шестакова «Упрямый классик» (2014; далее *Шестаков–2014*) в качестве последней авторской воли.

Сохранившиеся письма свидетельствуют, что это была не первая в «закатные» годы попытка Шестакова собрать свои стихотворения. 21 марта 1930 г. он писал Перцову: «Вы спрашиваете о сборнике. Он уже несколько дней, как готов и сегодня уезжает к Вам в первых двух экземплярах», – однако в архиве адресата цельной рукописи не сохранилось, а лишь разроз-

ненные листы автографов и машинописи. Письмо от 8 июня свидетельствует, что Перцов оценил присланное, высказавшись по поводу как вошедшего, так и не вошедшего в сборник:

«Замечания Ваши в большинстве принимаю, однако с некоторыми оговорками. Хронологического расположения стихов у меня нет, потому что время сочинения обозначено только для немногих стихотворений. И что бы Вам вперед указать для сборника желательность возможно хронологического порядка. А без этого я знал близкий пример распределения стихов именно по рубрикам в моем первом сборнике издателем П. П. Перцовым. Я сам заметил при составлении нового сборника его скучную монотонность, но не умел догадаться, почему такая получилась. Многие из опущенных стихотворений я не внес в сборник потому, что был уверен почему-то, что они Вами не одобрены. Обычно я ставил на одобренном Вами стихотворении цензурную пометку “Перц. ”, но каюсь, не проводил этой меры систематически; иногда то же “Перц. ” обозначало лишь лицо, которому посланы стихи. Отселе вдвойне и втройне досадная путаница и проволочка. <...> Я предполагаю именно, что некоторые из не вошедших в сборник стихотворений при первом чтении Вам не так понравились, или Вы употребили о них фигуру умолчания. Тогда по обычному правилу я и не внес их в сборник. Так могло не войти в него стих. “На бревне”, которое мне самому и нравилось, и продолжает нравиться. Не помню также, чтобы Вы одобрили какие-либо позднейшие гекзаметры. А пожалуй, здесь могли иметь место и какие-нибудь шалости почты. Наконец, стихотворения “На склоне дня”, “И в зиму также небо сине”, “Фатум” (или Жребий) не попали в сборник по той причине, что, пока я переписывал стихи для сборника, эти три я только впервые посылал Вам и естественно не знал впечатления, которое они на Вас произведут. Словом, все погрешности будут исправлены, и дополнение к сборнику поедет догонять настоящее письмо спустя несколько дней. Я согласен и на извержение из сборника семи недостойных царствия небесного, тем более, что они будут заменены 17-ю новыми номерами, что доведет полное число стихотворений до 70 штук. Отдельные поправки правильны»¹².

Я привел этот пространный фрагмент, чтобы показать, с каким вниманием и доверием Дмитрий Петрович относился к советам и мнению человека, сыгравшего особую роль в его поэтической деятельности. Поэтому в основу композиции *Шестаков–2014* было положены два составленных Перцовым сборника – прижизненный и посмертный, – но в ряде случаев его правка была устранена, если нет точных оснований полагать, что автор принял ее.

Полная «выключенность» Дмитрия Петровича из литературного процесса этих лет приводила к курьезным ситуациям. Работая в начале 1970-х годов над статьей о нем для «Краткой литературной энциклопедии», Л. К. Долгополов определил его, в соответствии с дефинициями, принятыми в энциклопедических изданиях, как «русского поэта». На это он получил следующий ответ из редакции: «При тех временных и географических границах, в которых жил Шестаков, мы должны указать в дефиниции, что он «рус. сов. поэт» (выделено в оригинале. – В. М.). Мы не даем такой дефиниции только в исключительных случаях – при особом отношении к советской власти. Поскольку я не могу судить, как было в данном конкретном случае, прошу Вас дать необходимые пояснения в тексте» (письмо М. Н. Хитрова Л. К. Долгополову от 4 января 1973 г.). Называть Шестакова, не напечатавшего ни одного стихотворения при советской власти, «русским советским поэтом» было бы странно, но определить литератора, жившего и писавшего (пусть «в стол») при этой власти целых двадцать лет, никаким иным образом не дозволялось, если он не был «явным врагом» вроде Гумилева или Замятина. Тот же Замятин и по характеру своего творчества, и, главное, по месту в литературной жизни, вне всякого сомнения, был писателем несравненно более «советским» (и даже членом Союза советских писателей!), нежели Шестаков, который в итоге так и остался в энциклопедии «русским поэтом».

¹² РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1347. ЛЛ. 41, 43–45. Сообщено В. А. Резвым.

«Неизвестный Шестаков» достоин внимания по многим причинам. Помимо несомненных литературных достоинств, стихи и личность их автора представляют интерес в историческом и культурном контексте эпохи. Ученик Фета и последователь Фофанова, он как будто прошел мимо символизма (влияние которого, может быть, заметно в его стихах 1900-х годов, но никак не 1920–1930-х годов), не говоря уже об акмеизме, футуризме и прочих «измах», и почти проигнорировал «будни советской недели». Однако его стихи, писавшиеся в эпоху Маяковского и Пастернака, «когда стал стих сложнее, чем танк», по ироничному замечанию Игоря Северянина, сегодня не кажутся анахронизмом. Демонстративный отказ от поэтических новаций сделал его маргиналом в литературном процессе, но доказал жизнеспособность традиционных поэтических форм XIX века – в первую очередь, лирического фрагмента, – в разработке которых ему принадлежит видное место.

Я поздно вышел. День счастливый
Уж догорел в костре лучей,
И затянул туман пугливый
Виденье зноя и огней.
И только там, где за мгновенье
Великолепный храм царил,
Чуть взору грезилось волненье
Сотлевших без возврата крыл.

Как хорошо быть одиноким,
От всех бойцов равно далеким,
Любить свое, любить одно,
В живую цепь ковать звено.
Как хорошо по небывалым
Бродить стезям, по снам грустя,
Как хорошо бокалом малым
Испить от полного ручья.

Поздняя лирика Шестакова, как и ранняя, ориентирована на Фета периода «Вечерних огней», а также на Тютчева, но Тютчева еще не переосмысленного и не перетолкованного символистами. В раннем творчестве Дмитрия Петровича влияние Фета определило и восторженное по настроению, но несколько приглушенное по силе выражения любование природой, и демонстративный отказ от гражданских, урбанистических и прочих «нелирических» мотивов. В поздних стихах находим еще и своеобразный пантеизм, чувство полного притяжения окружающего природного (не социального!) мира и слияния с ним, а также ощущение гармонии, душевной молодости, здоровья и радости жизни, скорректированное «философической грустью» по поводу возраста и недугов.

«Хвала богам – покровителям муз – я еще дышу и пишу после летней встряски, вернувшись в золотой сейчас и солнечный – после тоже некоторой ненастной “встряски” Владивосток, – сообщал Шестаков Перцову 6 октября 1930 г. – <...> Уповаю также – теперь, когда болезни – более или менее прочно – выпустили меня более или менее целым из-под своей жуткой власти, – солнце и ясные дни здешней хотя бы поздней осени возьмут свое и подскажут мне один-другой удачный стих в дополнение к прежним избранникам. А в этом отношении я шибко алчен, и чем старше становлюсь – всё ненасытней делаюсь и ненасытней: надо же поль-

зоваться по мере сил немногими остающимися ясными, да и вообще-то днями: “Парки счет ведут им строгой”, и не хочется пропустить ни одного без отметки»¹³.

Заметное место в поздней лирике Шестакова занимает тютчевская тема «закатной любви».

За днями дни студеной станут,
Умрут последние цветы,
Но хорошо, когда не вянут
Хоть сердца поздние мечты.
Давно уж молодость умчалась,
Померкли дни, остыла кровь,
И только ты со мной осталась,
Моя вечерняя любовь.

Реальная, биографическая мотивированность этой темы заинтересовала Л. К. Долгополова, который прямо обратился с таким вопросом к П. Д. Шестакову. Сын поэта уверенно ответил: «В жизни моего папы во владивостокский период не было никаких фактов, которые могли бы быть реальной (непосредственной – совпадающей по времени с периодом творчества) основой любовных стихотворений. <... > Мне думается, не исключена возможность, что некоторые из заинтересовавших Вас стихотворений могли быть своего рода поэтическим соперничеством автора, отличавшимся исключительной деликатностью в отношении чувств других людей, всего того, что принято относить к личной жизни другого, хотя бы и близкого родственника. Возможно, “виновником” иногда мог быть и Ваш покорный слуга» (письмо от 2 декабря 1969 г.). Месяц спустя он пояснил: «Когда я сообщил жене о моем ответе на Ваш вопрос о реальных переживаниях, лежащих в основе любовных стихотворений владивостокского периода, она вполне резонно заметила: «Почему же ты не написал Леониду Константиновичу о том, что твои родители были идеальной супружеской парой, что Дмитрий Петрович был прекрасным семьянином, любящим, верным супругом и заботливым отцом?». Вероятно, жена права: я должен был сказать и об этом» (письмо от 4 января 1970 г.). За отсутствием иных сведений эту информацию следует признать исчерпывающей, тем более, что ее косвенно подтверждает, например, стихотворение 1926 г.: «Не думай, друг, что я пылаю: / В *чужой* восторг я рад вникать...». Видимо, поэтому «вечерняя любовь» в стихах Шестакова не окрашена в трагические тона, хотя и не лишена «элегической» грусти. «На склоне дня прекрасней день, / Под вечер жизни глубже радость», – эти строки одного из поздних стихотворений можно назвать лейтмотивом заключительного периода его творчества.

С Фетом Шестакова роднили и религиозные убеждения, молчаливо отвергавшие христианство ради мистического пантеизма. В сознательном возрасте Дмитрий Петрович не считал себя христианином, не ходил в церковь, не соблюдал обряды и не принимал дома священников, а также по мере возможности уклонялся от общеуниверситетских молебнов и прочих церемоний, из-за чего имел осложнения и даже неприятности по службе в дореволюционные годы (жена его Александра Никитична была верующей христианкой). Как вспоминал сын поэта, законоучитель в казанской гимназии публично с осуждением говорил ему: «Все вы, Шестаковы, безбожники». Замечу, что и слово «бог» в рукописях «для себя» Дмитрий Петрович, как правило, писал с маленькой буквы.

С Тютчевым позднего Шестакова роднит пристрастие к малым формам, к «лирическим фрагментам», которые, являясь частицами целого, одновременно имеют самостоятельную ценность и не кажутся осколками прекрасной разбитой вазы. Это короткие, строго организован-

¹³ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1347. Л. 52. Сообщено В. А. Резвым.

ные и лаконичные миниатюры, которые легко объединяются в циклы и значимы сами по себе. Поздние стихи Дмитрия Петровича – своего рода лирический дневник, записи в котором не связаны между собой, но проникнуты общим настроением, общей позицией автора по отношению к окружающему миру. Это и автопортрет поэта, чистого, целомудренного, целеустремленного и на редкость гармоничного человека, что особенно важно с учетом скудости биографических сведений о нем.

Немного слов и песен надо,
Когда кругом царит краса,
Когда на листья винограда
Нисходит сонная роса,
И над молчаньем южной ночи
В лучах предвечного огня
Трепещут звезд живые очи,
Мечту туманя и маня.

Если б не этот потерянный взгляд,
Если б не этот запущенный сад,
Если б не темная роскошь волос,
Если б не глянец рассыпанных кос,
Если бы в сердце не песня без слов,
Если б не сумрак и шорох листов,
Если б не эта зовущая мгла,
Если б не звезды, как сны, без числа...

Как сложилась судьба литературного наследия Шестакова после его смерти? Установить местонахождение основного архива (научные работы, переводы, переписка) не удалось – возможно, он не сохранился, как не сохранился архив его брата Сергея Петровича. Часть бумаг, включая вырезки и черновики, Дмитрий Петрович, по сообщению его дочери А. Д. Шестаковой, уничтожил в конце жизни как «ненужное», а возможно, опасаясь ареста или обыска (насколько известно, и того, и другого ему удалось избежать). Хранившиеся у него рукописи стихов друга Перцов, вместе с частью своих бумаг, в 1939 г. продал С. Н. Дурьлину, в составе архива которого они ныне находятся в РГАЛИ. «Я очень рад, что Вы берете Шестакова, – писал ему Петр Петрович 23 июня 1939 г. – Я уверен, что Вы его полюбите и он у Вас не будет мертвым №, как в музее. У него тихая и замкнутая, но чистая и нежная душа, которая невольно поет, хотя и “комнатным” голосом. Полный контраст с теперешними, с позволения сказать, “поэтами”. Конечно, я доставлю Вам и книжку его». «Когда-нибудь кто-нибудь его раскопает и пристроит <?> в литературный оборот, – продолжал Петр Петрович 2 июля 1939 г. – Нет ли у Вас какого-нибудь знакомого юноши, вроде [К. В.] Пигарева, который бы заинтересовался этой темой?»¹⁴. Однако «знакомого юноши» не нашлось.

Рукописи, оставшиеся в семье, сохранил Петр Дмитриевич. В 1969 г., когда он жил на пенсии в Москве, его разыскал Л. К. Долгополов, который, начав работу над подготовкой сборника *Поэты 1880–1890* для Большой серии «Библиотеки поэта», обратил внимание на совершенно забытого к тому времени Шестакова¹⁵, но еще не знал о наличии его поздних, неопуб-

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 2. Ед. хр. 617. ЛЛ. 34 об, 36. Сообщено А. Л. Соболевым.

¹⁵ Едва ли единственным литератором, кто вспомнил его посмертно, но раньше Долгополова, был эмигрантский знаток «неизвестных поэтов» Э. М. Райс, писавший 19 октября 1955 г. В. Ф. Маркову: «По-моему, переоценке надо подвергать не только отдельных знаменитых поэтов, но и все поэтическое наследие. Надо открывать незамеченных. Вот я ищу стихи В. Дрентельна, Бутурлина, Д. П. Шестакова (конца XIX в.) – интересных современников Надсона, предтеч символизма, знакомых

ликованных произведений. Знакомство стало радостным событием и для ученого, и для сына поэта, потерявшего надежду на то, что наследие отца может быть востребовано и вообще кому-то нужно. По решению семейного совета Петр Дмитриевич взял на себя переписку с Л. К. Долгополовым и по его просьбе сделал машинописные копии (некоторые собственноручно) всех имевшихся у него стихотворений, сверил их с прижизненными публикациями, составил алфавитный и хронологический указатели и прокомментировал. Хотя он не был профессионалом-филологом, его текстологическая работа отличается точностью, а подробные комментарии основаны не только на документах (позднее частично утраченных), но и на семейных преданиях и собственной памяти, что придает им особую ценность. Кроме того, он составил несколько биографических справок об отце и активно собирал библиографические материалы о нем. Переписка сына поэта с исследователем его творчества – увлекательная хроника поисков находок даже с учетом специфического характера ее содержания.

Результатом работы, которой этот пожилой (к началу знакомства ему шел 72-й год) человек отдался с юношеской страстью и которая, по его собственному признанию, продлила ему жизнь еще лет на десять, стал машинописный свод стихотворений и избранных переводов отца в пяти томах. Первый экземпляр, вместе со всеми сохранившимися рукописными материалами, он передал в Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (ныне Российская государственная библиотека), второй в Рукописный отдел Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом), а третий подарил вдохновителю труда, написав на первом томе: «Многоуважаемому Леониду Константиновичу Долгополову – знатоку и ценителю русской поэзии – от сына Д. П. Шестакова, благодарного за большой труд в заботах о том, чтобы поэтическое творчество отца не исчезло из русской литературы и, по словам В. Г. Белинского, «попало на свою полочку». П. Шестаков. 11/ХІІ–1975 г.». Ранее он передал ему копии различных материалов, включая письма и инскрипты Фета и Соловьева и стихотворения Перцова, адресованные Шестакову.

Судьба бумаг, которые оставались у сына поэта после передачи основной части архива на государственное хранение (в том числе экземпляр сборника 1900 г., машинописный оригинал сборника 1939 г., «Литературные воспоминания» Перцова с инскриптом Шестакову), неизвестна. Более того, неизвестно, что еще хранилось в домашнем архиве и библиотеке, помимо подаренного Долгополовым экземпляра сборника *Поэты 1880–1890*. Видимо, всё это было утрачено после его смерти: Петр Дмитриевич скончался не ранее 1979 г., когда ему исполнилось 82 года, пережив своего единственного сына Дмитрия Петровича (талантливый ученый-театровед; полный тезка деда, родившийся в год его смерти), который умер бездетным в 1973 г. «На нем закончился род филологов Шестаковых», – с грустью написал его отец в предисловии к «Избранным переводам в стихах» его деда. В «Краткой литературной энциклопедии» статьи о деде и внуке Шестаковых, написанные соответственно Л. К. Долгополовым и А. А. Аникстом (Д. П. Шестаков-младший был его учеником), помещены рядом¹⁶.

Ознакомившись с неопубликованными стихотворениями Дмитрия Петровича, Л. К. Долгополов немедленно начал прилагать усилия к их публикации. Однако добиться удалось немного. 12 стихотворений владивостокского периода появились в журнале «Дальний Восток» (1970, № 7), три – в *Поэты 1880–1890*. Больше редакции интереса к Шестакову не проявляли. Не была доведена до конца и предпринятая в 1973 г. работа над подготовкой к печати его переписки с Фетом. Удивляться не стоит: в преддверии столетия со дня рождения Константина Бальмонта в 1967 г. Л. К. Долгополов обратился в редакцию журнала «Новый мир» с предложением написать статью к юбилею, но заведующий отделом критики В. Я. Лак-

мне только по отрывкам» [«Если чудо вообще возможно за границей...». Эпоха 1950-х годов в переписке русских литераторов-эмигрантов. М., 2008. С. 577.].

¹⁶ Краткая литературная энциклопедия. Т. 8. М., 1975. Ст. 700–701.

шин ответил, что это не представляет интереса ни для журнала, ни для советского читателя. Издательство Казанского университета, которому ученый предложил выпустить книгу избранных стихотворений и переводов Шестакова, вообще не удостоило его ответом. Невозможность реализовать задуманное в итоге привела к тому, что Долгополов охладел к наследию поэта, а переписка с его сыном постепенно замерла.

Впервые прочитав в середине 1980-х годов стихотворения Шестакова в томе *Поэты 1880–1890*, автор этих строк сразу обратил на них внимание, хотя раньше не слышал этого имени. Значение этого сборника трудно переоценить: он не только дал возможность познакомиться с творчеством замалчиваемых или фактически запрещенных поэтов, но вернул читателям целую поэтическую эпоху, интересную и яркую, богатую талантами и несправедливо заклеянную официальным советским литературоведением как «безвременье». Имена большей части авторов, при всей их неравнозначности, были на слуху, а вот Шестаков стал подлинным открытием. Разумеется, заинтриговало меня и указание на обширный корпус поздних неизданных стихов, хранящихся в собрании сына в Москве.

Через несколько лет я познакомился с Л. К. Долгополовым и рассказал ему о своем восхищении Шестаковым. Леонид Константинович удивился, а потом, улыбнувшись, снял с полки (дело происходило в его петербургской квартире) и показал мне четыре тома машинописного собрания стихов Шестакова (пятого у него не было) и экземпляр прижизненного сборника. Пораженный, я немедленно заявил, что это надо печатать, но в ответ услышал историю предыдущих, неудачных попыток, что, впрочем, моей решимости не убавило. Я начал вести переговоры с редакциями и предложил Леониду Константиновичу подготовить совместные публикации, но тот решительно отказался от соавторства, сказав, что Шестаков ему более не интересен и что теперь его занимают другие персоналии и проблемы. В декабре 1993 г. он подарил мне три тома машинописного собрания стихов (переводы – в августе 1994 г.) и собранные им материалы, включая письма Петра Дмитриевича, сделанные им копии различных текстов и документов, а также свою переписку с издательствами, редакциями и т. д., предоставив распоряжаться этим по собственному усмотрению. Что касается прижизненного сборника с дарственной надписью старшему брату, то: «Это после моей безвременной», – заметил Леонид Константинович с горькой усмешкой. Увы, пророчество сбылось слишком скоро: весной 1995 г. неожиданная болезнь свела моего учителя в могилу; новых публикаций Шестакова он не успел увидеть, а книга пропала.

Путь последнего ученика Фета к читателю оказался труден, что порой наводило на мысль о фатальном невезении. Постепенно положение менялось: 15 стихотворений 1926–1934 гг. были опубликованы в алма-атинском «Просторе» (1996, № 2), «Владивостокские ямбы» – в нью-йоркском «Новом журнале» (Кн. 219, 2000), «Миги» – в моей книге «Загадки Серебряного века» (2009), наконец, 165 стихотворений вместе со вступительной статьей и приложениями заняли почти весь номер амстердамского журнала «Russian Literature» (Vol. LX. № 1. 2006). При подготовке собрания стихотворений *Шестаков–2014* В. А. Резвому удалось отыскать не менее 80 стихотворений (прежде всего в письмах к Перцову), не вошедших в машинописный пятитомник и, очевидно, неизвестных сыну поэта; большинство их – неопубликованные тексты последних лет. Наверно, мы нашли не всё, но можно сказать, что возвращение поэта Дмитрия Шестакова к читателю состоялось. Теперь уже насовсем.

«С царевококшайским лешим сходственно»

Александр Котомкин

Ирине Александровне Котомкиной

Да благословитъ Васъ
Богъ нашъ Исусъ Христосъ..
Alexander Kotomkin - Aus dem alten Heiligen Rußland

Дорогому и трудолюбивому
иссаемому земляку и
великой нашей Матери
России, мужъ
Александръ 19⁸/₁₁₁₆₉
Кресслингу
отъ въшедшаго въ этотъ
векъ нашъ Божь
Богъ нашъ Исусъ Христосъ
много здравья и счаст-
лива, благополучна и благо-
получнаго месца, - отъ губернскаго
Кремнишской Мадри
авторъ
Александръ Сергеевичъ
Котомкинъ

Post-Adresse: Hamburg - Garmisch-
Zugspitzenhaus 104

Александр Котомкин. Инскрипт Александру Кресслингу на книге «Из старой святой Руси» (1958). 8 марта 1960

О поэте Александре Ефимовиче Котомкине (1885–1964) я впервые писал лет десять назад в книге «Bibliophilica»¹⁷. Крестьянин Царевококшайского уезда Казанской губернии, он рано стал сочинять стихи в духе Кольцова и Некрасова и умудрился выпустить первый сборник в 19 лет, ко времени окончания реального училища. Призванный в том же году на военную службу, он поступил в пехотное юнкерское военное училище в Москве (с 1906 г. – Алексеевское). На юнкера-стихотворца обратил внимание главный начальник военно-учебных заведений великий князь Константин Константинович, он же президент Императорской Академии наук и «августейший поэт» К. Р. Великий князь посылал ему книги, письма и деньги, телеграммой поздравил поэта с первой публикацией в столичной печати – стихотворением «Призыв» в «Ниве» 14 ноября 1909 г., помог издать второй сборник стихов в 1910 г. и написал к нему предисловие, женил на одной из фрейлин своего двора, помог по окончании училища получить назначение в родные края и не оставлял вниманием, когда тот в 1911 г. вышел в отставку и поступил на земскую службу. Благодарный Котомкин посвятил великому князю много стихотворений, которые в 1915 г., после смерти «августейшего поэта» выпустил отдельным сборником.

¹⁷ Молодяков В. Bibliophilica. М., 2008. С. 193–203.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.